

ШТОМПКА П.

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ / ПОД РЕД. В.А.ЯДОВА; ПЕР. С АНГЛ. А.С.ДМИТРИЕВА. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996.

Монография польского социолога П.Штомпки интересна, по меньшей мере, в двух отношениях. В ней дается квалифицированный обзор основных направлений западной социологической мысли и, наряду с этим, предпринимается попытка наметить свой путь в решении кардинальных социологических проблем.

Книга проникнута идеей возрождения и переосмысления историзма в социологии. Актуальность этой идеи невозможно поставить под сомнение. В какой бы конкретный вопрос ни углублялся исследователь, он всегда опирается на концептуальные предположения о том, какое место занимает изучаемое им общество в макроисторической перспективе. Присваивая общественным системам звучные имена, исследователь исходит из определенной схемы периодизации социального развития. В той же мере это относится и к политикам. По ироническому замечанию Дж.Кейнса, "безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад" [1].

Проблема макроисторического самоопределения приняла в современной России острый характер. Кризис второй половины 1980-х годов захватил не только экономическую и политическую сферы, но стал также кризисом мировоззрения и идеологии. В немалой степени он связан с отказом от диктата ортодоксальных марксистских формул. Начались "творческие метания" от концепций постиндустриального общества в версиях Д.Белла и А.Турена к цивилизационным идеям О.Шпенглера и А.Тойнби. И сегодня, чтобы выработать собственное понимание макропроцессов, необходимо в первую очередь освоить богатый арсенал идей, объясняющих характер социальной динамики и логику трансформации общественных систем. Книга Штомпки, эрудиции которого можно искренне позавидовать, может сыграть в этом отношении важную роль. Она поможет нашему продвижению в разработке "макросоциологии истории" как особой отрасли знания.

Методологическая установка П.Штомпки заключается в следующих положениях (с. 13-14): исследователь придерживается принципа историзма, предполагающего обращение к порождающим истокам; историзм проводится на уровне концепций, а не изучения конкретных исторических фактов; разработка общих "схем рассуждения" опирается не на историю идей, а на их социологический анализ; социологический анализ следует скорее систематическому, чем хронологическому принципу в изложении концептуальных схем.

Первая часть книги ("Концепции и категории") посвящена фундаментальным социологическим концепциям. Здесь раскрываются понятия "социальное развитие", "цикл", "прогресс". Общество представляется как "система" и как "социокультурное поле". Предлагается типология социального процесса, которую можно считать попыткой построения общей модели с помощью таких переменных, как форма социального процесса, его результат, осведомленность населения о процессе, его движущие силы, временной аспект (с. 31). Далее следует изложение истории идеи прогресса от Платона до Ф.Тенниса. А завершается раздел "перечнями разочарований" в прогрессистских иллюзиях современности.

Любопытны, на наш взгляд, рассуждения о свершившемся в наши дни переходе от идеи прогресса как ключевой темы современности к идее кризиса (с. 58-59). Трудно не согласиться с тем, что ныне все мы переполнены ощущениями кризиса, и произошла "нормализация" этой идеи. Это хорошо видно, например, на материале недавней российской истории, начиная с брежневской эпохи по сегодняшний день. Обновляются идеи и лозунги, меняется экономическая и политическая ситуация, но об обострении кризиса мы слышим буквально каждый месяц. Это просто носится в воздухе. Однако что касается отодвигаемой в сторону идеи прогресса, мы готовы согласиться с П.Штомпкой, что переживаемый ею кризис носит временный характер (с. 59).

Вторая часть книги ("Три великих видения истории") посвящена общим взглядам на историю. В ней излагаются концепции классического эволюционизма от О.Конта до

Л.Уорда и неозволюционизма (Г.Ленски и др.), показывается, как критика теорий модернизации и конвергенции подводит их вплотную к самоотрицанию исходных постулатов. Эволюционным моделям противопоставляются теории циклов. Здесь нас ожидает столь же широкий спектр взглядов — от Аристотеля до А.Тойнби. Отдельно рассматриваются социологические концепции циклов В.Парето и П.Сорокина.¹

После эволюционных и циклических моделей наступает черед третьего направления — исторического материализма. Не удастся избавиться от впечатления, что последнее выделено автором по другому основанию. Марксистская схема, на наш взгляд, представляет один из вариантов прогрессистского эволюционизма, с элементами технологического детерминизма в духе Л.Моргана. Схема эта, впрочем, осложнена диалектическими намеками на цикличность, рисуящую развитие в виде восходящей спирали.

На Марксе Штомпка останавливается весьма подробно. Плодотворным выглядит разделение автором трех аналитических уровней в рассмотрении марксистской теории (с. 206). Встречаются и небесспорные вещи. К таковым можно отнести заключение, что для Маркса отправной точкой социальной теории служили индивиды (с. 211). Нужно также отметить, что Маркс занимает в книге в пять-шесть раз больше места, чем, скажем, Н.Я.Данилевский, О.Шпенглер и А.Тойнби вместе взятые. Но его концептуально-исторические взгляды, безусловно, заслуживают детального изложения.

Третья часть монографии ("Альтернативное видение: создание истории") поднимает проблему возрождения историзма в социологии, которое связывается с именами К.Маркса, А.Токвиля и М.Вебера, и утверждения "нового историзма" в лице Н.Элиаса, Ф.Абрамса, Ч.Тилли и К.Ллойда. В данном разделе детально освещаются теории социального действия. Хотя не вполне ясно, почему из него выпал "хрестоматийный" М.Вебер.

В изложении теории действия Штомпка демонстрирует особые симпатии к теории структуризации Э.Гидденса. Оценка его вклада кажется даже несколько завышенной, когда, например, утверждается: "Несомненно, по богатству и глубине детального анализа индивидуальных деятелей Гидденс идет гораздо дальше любого другого автора в разгадке тайны деятельности" (с. 250). Но творческие симпатии — дело сугубо индивидуальное. А то, что Гидденс — один из наиболее ярких и плодотворных современных авторов, сомнений не вызывает ни у кого.

Наконец, автор излагает основы собственного подхода — теории социального становления. Ключевой элемент данного подхода — понятие "практики" как "места встречи операций и действий" (с. 273). По существу теория социального становления П.Штомпки складывается из двух самостоятельных концептуальных линий. Первая линия лежит в плоскости общей методологии и нацелена на решение проблемы соотношения структуры и действия. Вторая линия была обозначена нами выше как "макросоциология истории", она ставит вопрос о выборе моделей трансформации общественных систем. Работа, таким образом, ведется в двух отраслях социологического знания, стоящих перед двумя "вековыми" методологическими проблемами.

Мы уже указывали на то, что П.Штомпка демонстрирует образцы широкой эрудиции. Порою даже начинает казаться, что происходит переполнение текста разнородным содержательным материалом. Это проявляется, на наш взгляд, в четвертой части монографии ("Аспекты социального становления"). Здесь, уже после изложения авторской концепции, появляются идея предпринимательского духа М.Вебера и другие концепции предпринимательства, функционалистские теории и концепции социальных движений.

Представим себе два принципа построения теорий, которые можно образно определить как "сетевой" и "лучевой". "Сетевой" принцип связан с разработкой разветвленной системы (сети) понятий, которую пытаются "набросить" на действительность, охватив все ее основные стороны. В противоположность этому, "лучевой" принцип придерживается экономичных схем, которые высвечивают определенные стороны этой действительности. Не будем говорить, какой из них более

¹ Иная попытка обзора эволюционных и циклических моделей на примере социально-экономических схем [2].

плодотворен, заметим только, что построения Штомпки являют почти чистый образец первого принципа.

Попытка вписать в свою систему чуть ли не всю историю социологии приводит к тому, что местами схема становится несколько расплывчатой. В итоге остается неясным, какой макроисторической схемы придерживается сам автор. Здесь есть и смутное тяготение к марксистскому эволюционизму, и заявленные симпатии к адапционно-эволюционному подходу в стиле Р.Мертон (с. 328), и убедительная критика всякого эволюционизма, например, утверждение о том, что "эволюционизм и исторический материализм, похоже, уже принадлежат истории социального мышления" (с. 241). К концу книги эта важная макроисторическая тема вообще как-то теряется в рассуждениях о социальных изменениях. Этому способствует отсутствие общих выводов в книге, заканчивающейся рассуждениями о концепциях социальной революции.

Наиболее ценной частью рецензируемой монографии правомерно считать хорошо структурированные обзоры концептуальных схем (особенно во втором и третьем разделах). Хотя в изложении сложного материала трудно порою избежать повторов. Пересечения возникают при раскрытии составляющих концепции прогресса (с. 50), эволюционистского направления (с. 145), теории модернизации (с. 172) и "метафор роста" (с. 235).

Не удалось, судя по всему, избежать ряда проблем с переводом. Например, трудности перевода на русский язык таких понятий, как "agency" и "action" известны. И широко употребляемые в третьем разделе термины "деятельность" и "действие" в этой связи трудно признать удачными (с. 245-247, 253 и др.).

Книга П.Штомпки дает материал для размышлений. В этом ее основное значение. Работа стала доступной российским читателям в то время, когда особенно важно освоить многообразные теоретические подходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. 1978. с. 458.
2. Радаев В.В. Мир хозяйства: модели однолинейного развития // Российский экономический журнал. 1996. № 1. С. 72-79; Радаев В.В. Мир хозяйства: модели параллельного и циклического развития // Российский экономический журнал. 1996. № 2. С. 76-83.

В.В.РАДАЕВ,

кандидат экономических наук, заведующий отделом экономической социологии и экономики труда Института экономики РАН.